

АРХИЕПИСКОПЫ В РУССКОЙ ЦЕРКВИ ДОМОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ

Византийская церковь в интересующую нас эпоху, XI — первую треть XIII в., знала титул *ἀρχιεπίσκοπος* «архиепископ», главным образом, в одном специфическом значении — возглавителя церковной области (архиепископии), изъятой из системы митрополий и подчиненной непосредственно столичному патриарху [Beck, S. 67—68]. В *Notitiae episcopatum* такие архиепископии оформлялись отдельным списком, который следовал за списком митрополий¹. Состав этой группы диоцезов со временем по ряду причин менялся — в том числе и потому, что императоры имели обыкновение поощрять тех или иных архиепископов званием митрополитов; такие митрополиты были чисто титулярными, так как их митрополии по-прежнему не включали в себя никаких иных епископий, кроме их собственных.

Чертой особоторжественного официального словоупотребления было включение звания архиепископ в развернутое титулование цареградских патриархов: «Божией милостью архиепископ Константинополя, Второго Рима, и вселенский патриарх» (*ἐλέω Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως, Νεῆς Ρωμῆς, καὶ πατριάρχης οἰκουμενικός*); аналогичная практика фиксируется и со стороны других патриархов, а также глав некоторых особо древних и авторитетных митрополий [Цыпин, с. 530—531].

Если говорить о церковной организации на территории Византийской империи в целом, которая не вполне совпадала с канонической территорией Константинопольского патриархата, то изредка архиепископами титуловались также главы некоторых поместных церквей. Таков был официальный титул предстоятеля Кипрской церкви, который он удерживает до сего дня. Так же именовался и глава Болгарской церкви до того времени, когда при императоре Роме I Лакапине (919—944) с согласия Константинополя ему временно было усвоено звание патриарха, и впоследствии, когда с окончательным завоеванием Болгарии Византийской империей после 1018 г. патриаршество в Болгарии было упразднено, хотя отдельная от Константинополя церковная организация сохранилась, но снова под руководством архиепископа с резиденцией в Охриде. Интересно, что с восстановлением в 1185 г. Болгарского государства на его территории образовалось Тырновское архиепископство (в 1234 г. ставшее патриархатом), но оставшееся на имперской территории Охридское архиепископство продолжало сохранять свой автономный от константинопольских патриархов статус [Голубинский, 1871, с. 32, 38—39, 78—81].

Несмотря на то что Русская церковь (Киевская митрополия) являлась составной частью Константинопольского патриархата, институт архиепископов выглядел в ней совсем иначе. Аналогию можно усмотреть разве что в отдельных случаях употребления титула архиепископа в расширительно-обобщенном смысле начальствующего над епископами, то есть на Руси — в отношении митрополита, как в Византии — в отношении патриарха. Случаев таких совсем немного.

Так, например, поименован митрополит Кирилл I (1224—1233) на своей печати, которая и необычайно большими размерами (около 40 мм в диаметре), и оформлением легенды выдает особую торжественность: + ΚΥΡΙΛΛΟΣ ΜΟΝΑΧΟΣ ΕΛΕΩ Θ[ΕΟΥ] ΑΡΧΙΕΠΙΣΚΟΠΟΣ ΤΗΣ Μ[ΗΤΡ]ΡΟΠΟΛΕΩΣ ΡΩΣΙΑΣ «Кирилл монах Божией милостью архиепископ митрополии России»².

Другим свидетельством подобного рода (и этим примеры, кажется, исчерпываются³) служит именование то митрополитом, то архиепископом попеременно митрополита Иоанна I (вторая половина 1040-х годов) в рассказе о первых чудесах при гробах свв. Бориса и Глеба как в «Сказании чудес свв. Романа и Давида»⁴, так и в Несторовом «Чтении о свв. Борисе и Глебе»⁵.

Оба рассказа текстологически взаимосвязаны: либо они восходят к записям о чудесах, ведшимся при храме свв. Бориса и Глеба в Вышгороде (так называемым «Вышгородским запискам»), либо в

¹ Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae / Texte crit., introd. et notes par J. Darrouzès. Paris, 1981. (Géographie ecclésiastique de l'Empire Byzantin. T. 1). P. 344—346, 351—352 и др.

² Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970. Т. 1. № 53. 1—2 (атрибуция буллы именно Кириллу I обеспечивается археологической стратиграфией находок: Там же. С. 49); Янин В. Л., Гайдук П. Г. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1998. Т. 3. № 53. 3.

³ «Архиепископ того города» («archiepiscopus illius civitatis»), то есть Киева, упоминаемый в повествовании о захвате столицы Руси в 1018 г. польским князем Болеславом I (992—1025) (Die Chronik des Bischofs Thietmar von Merseburg und ihre Korveier Überarbeitung / Hrsg. R. Holtzmann. Berlin, 1935. (Monumenta Germaniae Historica, Scriptores rerum Germanicarum ad usum scholarum separatim editi. Nova series. Bd. 9). Cap. VIII, 32. S. 530; Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX—XI веков: Тексты, перевод, комментарий. М., 1993. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы). С. 137, 142), к делу не идет, поскольку в Западной церкви термин *metropolita* не был употребительным, а главы церковных провинций, состоявших из нескольких епископий, назывались именно архиепископами.

⁴ Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Подг. к печ. Д. И. Абрамович. Пгр., 1916. С. 53—55 (4 раза — архиепископ, 7 раз — митрополит).

⁵ Там же. С. 17—20 (7 раз — архиепископ, 1 раз — митрополит); в отличие от «Сказания чудес», у Нестора дважды поименован архиепископом и митрополит Георгий (в рассказе о построении Борисоглебского храма князем Изяславом Ярославичем и подготовке перенесения мощей в 1072 г.: Там же. С. 21).

«Чтении» непосредственно использован текст «Сказания чудес» [Поппэ, 1995, с. 22–24]. Первая возможность кажется нам более вероятной, но в данном случае важнее не характер текстуальной связи между анонимным «Сказанием чудес» и сочинением Нестора, а сам факт наличия такой связи. Он позволяет видеть в данных этих памятников не два ряда независимых свидетельств, а один, что лишний раз подтверждает окказиональность такого словоупотребления.

В свое время приведенные сведения «Сказания чудес» и «Чтения» (так же как и известие Титмара Мерзебургского) рассматривались в качестве одного из доказательств гипотезы М. Д. Присёлкова, будто Русская церковь до учреждения якобы около 1037/1039 г. в Киеве митрополии Константинопольского патриархата управлялась из западноболгарского Охрида тамошними первоиерархами, которые, как мы уже знаем, носили титул архиепископов [Присёлков, с. 27–32, § 10а–11]⁶. В современной историографии этот взгляд оставлен по многим причинам [Müller, S. 9–81; Porre, s. 5–39; Цапов, 1989, с. 23–32 и др.], к которым добавим еще одну: митрополит Иоанн, упоминаемый в памятниках борисоглебского цикла, святительствовал, как можно с известной уверенностью предполагать, не в 20-х годах XI в., а четвертью века позже [Милютенко, с. 49–52; Назаренко, 2007, с. 76–77; Назаренко, 2010]. Таким образом, звание архиепископа, которым почтил его анонимный вышгородский клирик, стало скорее всего результатом стремления автора придать вышнюю торжественность описанию местного события, в котором, тем не менее, приняли участие и киевский князь Ярослав, и митрополит Иоанн. Выспренность фразеологии присуща тексту (особенно в варианте Нестора) применительно не только к митрополиту, но и к князю («благочестивый царю»⁷), да и в целом («кафоликани исклисиа»⁸).

* * *

Значение настоящей исследовательской проблемы вопросу об архиепископах и архиепископиях в Русской церкви начального периода придают, однако, не факультативные варианты митрополичьей титулатуры или риторические вольности агиографов, а существование на Руси реального института архиепископов *sensu stricto*.

До относительно недавнего времени было известно только то, что официально этим званием были почтены многие новгородские архиереи, начиная с Нифонта (1130–1156). Нифонт же получил его не позднее лета 1148 г., как в том убеждает датированная 1 сентября этого года надпись на антиминоссе (обнаруженном под напрестольной доской в Николо-Дворищенском соборе Новгорода) об освящении какого-то престола св. Георгия «от Нифонта архиепискупа Новгородьскаго повелѣниемъ епискупа Ростовьскъго Не(сто)ра при б(ла)гочѣстивѣмъ князи Георгии с(ы)ну Мономахову м(ѣ)сяця септября в 1 въ лѣт(о) [6657] инд(и)кта 12»⁹. Коль скоро дело происходило «повелением» ростовского епископа Нестора, то речь должна идти об одном из храмов в Ростово-Суздальской земле, где новгородский владыка действительно пребывал для переговоров «мира деля» в 1148 г.¹⁰ — вероятно, о Георгиевском соборе в Юрьеве Польском¹¹.

Неоднократно высказывалось предположение (в справедливости которого нам еще предстоит убедиться), что архиепископский титул стал экстраординарным пожалованием Константинополя Нифонту в награду за принципиальную позицию в деле митрополита Климента Смолятича [Голубинский, 1901, с. 310; Печников, с. 543]¹². Ведь именно Нифонт возглавил оппозицию в Русской церкви, которая не признала избрания в 1147 г. Климента на митрополичью кафедру собором русских архиереев по воле нового киевского князя Изяслава Мстиславича (1146–1157, с перерывами) и вопреки сопротивлению Константинополя. За это новгородский епископ подвергся гонениям, находя утешение в посланиях патриарха, который хвалил владыку за стойкость и ублажал его чуть ли не как святого¹³.

Если так, то нелегко понять, почему новгородская традиция, прежде всего летописная, не сохранила никакой памяти о таком иерархическом возвышении Нифонта. Остается догадываться, что проконстантинопольская политика владыки, равно как и его линия на дружбу с Юрием Суздальским, особой популярностью в Новгороде не пользовались. Ведь даже склонный к оправданию Нифонта летописец хвалит его лишь за церковное благоустройство, но никоим образом не за твердое охранение

⁶ В рассуждениях исследователя немалую роль играл тот факт, что в 20-е годы XI в. охридским архиепископом был как раз тоже Иоанн [Голубинский, 1871, с. 40].

⁷ Жития святых мучеников Бориса и Глеба. С. 18.

⁸ Там же. С. 19.

⁹ Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI–XIV веков. М., 1964. (Свод археологических источников. [Вып.] Е1–44). С. 28. № 25. Годовая дата в настоящее время не читается (дату, как она приведена в скобках, еще усматривали в середине XIX в.), но сочетание имен Юрия Владимировича Долгорукого и Нифонта в совокупности с указанием на индикт позволяет установить ее с полной определенностью.

¹⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под редакцией и с предисловием А. Н. Насонова. М.; Л., 1950 (далее — НПЛ). С. 28, 214.

¹¹ Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI–XIV веков. С. 30–32.

¹² Обычно такая мысль сопровождается псевдоочевидным домыслом, что пожалование происходило непосредственно от патриарха; однако это заключение вовсе не обязательно и даже, с нашей точки зрения, не слишком вероятно (см. ниже).

¹³ ПСРЛ. 2-е изд. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 474.

канонического порядка. Когда архиепископ в 1156 г. скончался, не успев встретить «правильного» митрополита Константина I, новгородская летопись отозвалась на это так: «Тои же весне прѣставися архиепископъ Нифонтъ, априля въ 21: шльъ бяше Киеву противу митрополита; инии же мнози глаголаху, яко, полупивъ святую Софию, пошльъ Цесарюграду; и много глаголаху на нь, нь собе на грѣхъ. О семь бо разумети комуждо насъ: который епископъ тако украси святую Софию...» и т. д.¹⁴

Указывалось также и на так называемую патриаршую грамоту Нифонту, в которой тот, с одной стороны, удостаивается похвалы за то, что «страждет противу Клима митрополита», а с другой — именуется вовсе не архиепископом, а «господином епископом Великаго Новагорода» [Макарий, с. 581]. Отсюда даже делался вывод, будто Нифонт титуловался архиепископом не постоянно, а эпизодически (!) [Цапов, 1989, с. 66]. Однако противопоставлять псевдограмоту современному событиям документальному свидетельству — надписи на антиминсе — было бы историко-ведческим опрометчиво. Грамота дошла только в составе Жития Нифонта, написанного в середине XVI в. псковским книжником Василием (Варлаамом), и, по оценке В. О. Ключевского, вполне могла быть «сочинена самим биографом» [Ключевский, с. 262]. От себя добавим, что ни по чрезвычайной краткости, ни по полному отсутствию дипломатических признаков, свойственных патриаршим посланиям, текст в его настоящем виде вряд ли может быть признан аутентичным¹⁵.

Архиепископство Нифонта было личным отличием, ибо не видно, чтобы преемник его на новгородской кафедре, епископ Аркадий (1156—1163), унаследовал это достоинство¹⁶. Зато следовавший за Аркадием епископ Илия-Иоанн (1165—1186) снова оказывается архиепископом, причем, что показательно, его рукоположение в Киеве митрополитом Иоанном IV (1163—1166) и присвоение ему титула архиепископа не были одновременны. Хиротонисанный 28 марта 1165 г., Илия отбыл в Новгород, и лишь ближе к зиме ему «повелено бысть архиепископство... митрополитомь»¹⁷. В чем причина такой задержки? Наиболее естественным кажется предположение, что митрополит предпочел списаться с патриархом, прежде чем ввести новшество; разрешения из Константинополя на те или иные канонические действия в пределах своей митрополии ему не требовалось, но желание посоветоваться со священноначалием в связи с необычностью происходившего было бы понятным.

В дальнейшем, насколько можно видеть, ближайшие преемники Илии-Иоанна именовались архиепископами. В отношении Мартирия (1193—1199), Митрофана (1199—1212, 1220—1223) и Антония (1210—1219, 1225—1232, с перерывом) это со всей бесспорностью подтверждено печатями¹⁸. Что до Гавриила (1186—1193), преемника Илии, то противоположений для признания его архиепископом нет, так же как и нет причин не доверять новгородской традиции, согласно которой архиепископами были все новгородские архиереи начиная с Илии¹⁹. В таком случае выходит, что этот титул из индивидуального достоинства архиерея (Нифонт, Илия) превратился в достоинство новгородской кафедры.

В этой истории становления архиепископства новгородских владык немало неясного. И прежде всего то, почему вызванное чрезвычайными обстоятельствами отличие епископа Нифонта повторилось при владыке Илии, когда никаких специфических предпосылок для того вроде бы не видно. Сделанная тридцать лет тому назад в Новгороде находка проливает свет на этот вопрос.

Надпись на свинцовой архиерейской булле гласит: Θ[ΕΟΤΟ]ΚΕ Β[ΟΝ]Θ[ΕΙ] ΛΕΟΝΤΙΩ Δ[Ρ]Χ[Ι]ΕΠΙΣΚΟΠΩ ΡΩΣΤ[ΟΒΟΥ] ΔΟΥΛΩ [CΟΥ] («Богородице, помози Леонтию, архиепископу Ростова, рабу [Твоему]»)²⁰. В. Л. Янин правильно опознал во владельце печати ростовского епископа XII в. Леонта, имя которого на страницах летописания усиленно склоняется как зачинателя так называемой «леонтианской ереси» — попытки закрепить в Русской церкви непривычную для нее византийскую практику поста в среды и пятки по великим праздникам²¹. Оказавшись вследствие

¹⁴ НПЛ. С. 29, 216.

¹⁵ Ср.: [Poljakov, s. 283—302].

¹⁶ Даже владычная летопись в редакции середины XIV столетия, для которой характерно ретроспективное анахроничное титулование новгородских владык XI и первой половины XII в. архиепископами, в отношении Аркадия не делает этого ни разу (НПЛ. С. 29—31).

¹⁷ НПЛ. С. 32, 219.

¹⁸ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 1. № 60—62; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. № 60а—61а (очевидно, ошибка: следовало бы читать: 61а-б). Надпись на печати владыки Мартирия В. Л. Янин читает как: ΜΑΡΤΙΡΙΩ ΕΠ[ΙΣΚΟ]Π[Ε] ΝΟΒΓΩΡΟΔΣΚΥΙ, усматривая в такой титулатуре свидетельство дисконтинуитета в череде новгородских архиепископов после Илии (Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 1. С. 56). Однако под титлом над «еп[иско]п[е]» достаточно отчетливо просматривается выносная х.

¹⁹ НПЛ. С. 473.

²⁰ Янин В. Л. Моливдовул ростовского епископа Леонтия // ВИД. 1994. Вып. 25. С. 5—18; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. № 62а. Публикаторы ошибочно прочли начало надписи: Κ[Υ]Ρ[Ι]Ε Β[ΟΝ]Θ[ΕΙ] («Господи, помози») вместо правильного Θ[ΕΟΤΟ]ΚΕ Β[ΟΝ]Θ[ΕΙ] («Богородице, помози»), отчетливо читающегося как на прориси, так и на фотографии.

²¹ ПСРЛ. 2-е изд. Л., 1928. Т. 1. Стб. 351—352, 354—357; Т. 2. Стб. 520.

этого в жестоком конфликте с владими́ро-суздальским князем Андреем Юрьевичем Боголюбским (1157–1174), Леонт/Леонтий был поддержан киевскими митрополитами Феодором (1160–1162) и Иоанном IV, а также константинопольским патриархом Лукой Хрисовергом (1157–1169/1170). Тем не менее Андрей упорствовал в нежелании принять строптивного епископа, и вернувшийся в 1164 г. из Царьграда Леонт вынужден был пребывать, очевидно, в Киеве, при митрополичьем дворе. Эта ситуация несправедливо гонимого княжеской властью епископа — борца за церковную правду живо напоминала ситуацию пятнадцатилетней давности с епископом Нифонтом. Поэтому неудивительно, что церковное священноначалие прибегло к той же мере публичного поощрения — присвоению титула архиепископа. (Подчеркнем, что *vice versa* история с Леонтом подтверждает правоту устоявшегося мнения о причинах архиепископства Нифонта.) В случае с Леонтом этот демонстративный шаг, надо думать, преследовал одновременно еще одну цель: предложить Андрею Боголюбскому архиепископский статус ростово-суздальского владыки в качестве моральной компенсации за отказ патриархии санкционировать планы князя по созданию во Владимире митрополии²².

Новгородский епископ Аркадий умер 19 сентября 1163 г., а епископ Илия-Иоанн был поставлен только 28 марта 1165 г. Стало быть, о повторении в отношении ростовского епископа прецедента, случившегося с Нифонтом, новгородская делегация, сопровождавшая Илию, узнала, вероятно, только по прибытии в Киев. Вот почему ревнивые новгородцы, которым, конечно же, совсем не хотелось уступать первенство чести в Русской митрополии Суздалью, смогли поднять вопрос об архиепископском титуле также и для своего владыки только примерно одновременно с его рукоположением. Митрополит хотя и взял паузу для размышления, в конце концов все-таки удовлетворил просьбу новгородцев, что, пожалуй, говорит о весе и авторитете богатой Новгородской епископии в Русской церкви.

Таким образом, не подтверждается гипотеза В. Л. Янина (и без того шаткая, хотя и поддержанная Я. Н. Шаповым²³), согласно которой усвоение титула архиепископа новгородским предстоятелям отражало борьбу Новгорода за утверждение политической и церковной самостоятельности от Киева.

По совместным литургическим действиям архиепископа Илии и его брата Гавриила²⁴ видно, что в лице последнего Илия загодя готовил себе преемника. Вполне возможно, принимая во внимание неприятную заминку с титулатурой в 1165 г., эта подготовка включала и урегулирование вопроса об архиепископстве для Гавриила. Двойной прецедент архиепископства новгородских архиереев сильно облегчал дело, подкрепляя его стариной, пошпиной, что для средневекового правосознания было почти равнозначно легитимации. Кроме того, надо учесть, что сведенный с кафедры в 1169/1170 г. архиепископ Леонт, место которого снова занял епископ Нестор, после смерти Нестора вернулся на свой престол и пребывал на нем еще незадолго до 1184 г.²⁵; тем самым, угасший было вопрос о первенстве ближе к концу святительства Илии приобрел новую актуальность. Так или иначе, если полагаться на то, как представляет события новгородская владычная летопись, Гавриил получил звание архиепископа вместе с епископской хиротонией²⁶.

Итак, история с архиепископством для Илии, похоже, несколько проясняется, благодаря находке печати Леонта Ростовского. Но на этом тема русских архиепископов домонгольского времени отнюдь не заканчивается, как не заканчиваются — что совсем необычно для медиевистики — и новые источники по теме.

Загадочная фигура «русского архиепископа Петра» давно маячит на полях исторических трудов, посвященных Первому Лионскому собору (1245 г.), на котором, помимо борьбы с империей Фридриха II (1196–1250), обсуждались возможные политические шаги папства перед лицом новоявленной военной угрозы со стороны монголов. В качестве эксперта в этом неслыханном деле был заслушан некий «русский архиепископ Петр», который бежал с родины от монголов и не вполне понятными путями был приведен

²² Подробнее о проекте Владимирской митрополии, а также уточненную хронологию событий, связанных с «леонтианской ересью», см.: [Назаренко, 2013а, с. 12–35].

²³ Краеугольным камнем этой гипотезы является тезис об архиепископстве уже владыки Иоанна Попьяна (1110–1130), который усвоил себе такую титулатуру, так как будто бы стремился к независимости и от митрополита, и от патриарха [Янин, с. 47–56, особенно с. 55–56]. Я. Н. Шапов, справедливо указав на каноническую невозможность такого притязания новгородского епископа на абсолютную автокефалию, высказал иную мысль (в свою очередь совершенно невероятную) о том, что архиепископство даровалось новгородским владыкам киевскими митрополитами, но не признавалось в Константинополе [Шапов, 1989, с. 67–69]; к сожалению, в очерке о Новгородской архиепископии в книге маститого историка немало фактических огрехов. Между тем сам исходный пункт всех этих ответственных построений — архиепископское звание Иоанна — покоится на единственном основании: свидетельстве перечня «А се новгородские епископы» при Комиссионном списке Новгородской первой летописи младшего извода, что в 1130 г. Иоанн «отвержся» именно «архиепископья» (не «Новгорода», как в самой летописи) (НПЛ. С. 22, 473). Надо ли говорить, что доказательная сила этого аргумента стремится к нулю.

²⁴ 1170 г. — основание Благовещенского монастыря, 1179 г. — построение собора в Благовещенском монастыре, 1180 г. — заложение надвратной церкви в том же монастыре, 1182 г. — построение церкви «святых Отець», 1184 г. — заложение церкви св. Иоанна «на Торговище» (НПЛ. С. 33, 36–37).

²⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 629 (о дате: [Бережков, с. 201–202]); [Назаренко, 2013а, с. 32–35].

²⁶ НПЛ. С. 38, 228.

ко двору папы Иннокентия IV (1243–1254). Были известны две редакции донесения Петра собору, принципиально мало отличные друг от друга: в подборке материалов о монголах, приложенной к «Великой хронике» Матвея Парижского (середина XIII в.)²⁷, и в созданных в конце того же столетия анналах английского Бертонского монастыря (в Стаффорде)²⁸; несомненно, что в конечном итоге они восходят к одному и тому же соборному протоколу. У Матвея Петр назван «*Petrus archiepiscopus Russiae*», «*quidam archiepiscopus de Russia, Petrus nomine*», в «Бертонских анналах» — «*archiepiscopus Ruthenus nomine Petrus*», «*Petrus, archiepiscopus de Russia*».

Попытки определить, кем же был этот «архиепископ Петр», вращались в историографии вокруг идеи С. Томашевского, будто мы имеем дело с епископом одной из южнорусских кафедр (Галича? Перемышля? Белгорода? Юрьева?), бывшим настоятелем Спасского монастыря на Берестове Петром Акеровичем²⁹, который-де был ставленником на опустевший после 1240 г. киевский митрополичий престол со стороны черниговского князя Михаила Всеволодовича, бежал на Запад от монгольского разорения и, оказавшись в нужное время в нужном месте, стал признанным папой латинским митрополитом (то есть, на латинский манер, архиепископом) Руси [Томашівський, с. 221–313]. Такая трактовка оспаривалась и в своей «униатской» составляющей, и в отношении тождества «архиепископа Петра» с Петром Акеровичем, но подкупающая догадка, что речь шла о претенденте на митрополию со стороны соперничавших с Даниилом Галицким князей (только не со стороны Михаила Всеволодовича, а Ярослава Всеволодовича Владимирского), то есть о кандидатуре, альтернативной будущему митрополиту Кириллу II (1242/1247–1281), получила дальнейшее развитие [Толочко, с. 45–54]. Надо, однако, признать, что и мысль С. Томашевского, и предлагаемые к ней коррективы носят характер умозрений, равно как и скептическое резюме А. Поппэ, допускавшего возможность простого недоразумения в результате непонимания на латинском Западе восточного термина «архимандрит» [Поппэ, 1996, с. 467–468].

Между тем в 2001 г. финский исследователь А. Руотсала указал на существование еще одной, третьей, редакции соборных распросов «архиепископа Петра», которая обнаружилась в списке XIV в., происходящем из Гарстенского монастыря в Австрии [Ruotsala, p. 154; *non vidimus*]. Гарстенская редакция сокращена по объему, и в ней усилен эсхатологический элемент, который часто присутствовал в рассказах о «тартарах» в западной литературе [Селарт, с. 100–113]. Но для нас интереснее всего, что заголовок ответов «архиепископа Петра» в Гарстенской рукописи более точно характеризует персону информанта: «Распрос Петра, архиепископа Белграба (так! — А. Н.) в Руси, о тартарах» («[R]equisitus Petrus archiepiscopus de Belgrab in Russia super facto Tartarorum»).

Следует согласиться с А. Селартом, что «*de Belgrab*» — это искаженное одним из переписчиков «*de Belgrad*»; иначе говоря, речь идет о предстоятеле белгородской кафедры под Киевом. Таким образом, становится известно имя белгородского епископа, пережившего взятие монголами Киева и разорение Киевщины в 1240 г. Но значение этой, думается, бесспорной идентификации далеко выходит за пределы столь тривиального следствия. И дело здесь именно в титуле архиепископа, который вряд ли случайно прилагается к Петру Белгородскому.

По древнерусским источникам подобные титулования применительно к белгородским епископам не прослеживаются. Это побудило А. Селарта предположить, что такое произвольное повышение статуса Петра было инициативой папской канцелярии и преследовало цель придать пушней авторитет формулировавшейся как раз тогда папской политике в отношении монголов, которая задумывалась широко, включая перспективы и политического союза, и миссионерской деятельности [Селарт, с. 113]. Понятно, что к подобному предположению можно прибегнуть только за неимением лучшего. Кажется, однако, что возможно иное решение, более прямое и естественное, которое подсказывается логикой представленных выше архиепископских назначений на Руси второй половины XII в.

Присвоение архиепископского достоинства тому или иному архиерею было чисто номинальным актом, ничего не меняя в реальной епархиальной структуре Руси. В силу высшего титула архиепископ просто приобретал первенство чести среди своих собратьев, делался *primus inter pares*. При наличии одновременно двух архиепископов (как в случае с Илией Новгородским и Леонтом Ростовским) первенством обладал тот, чья кафедра была древнее; понятно, почему новгородцы так добивались архиепископского звания для епископа Илии: это восстанавливало иерархический *status quo ante* (новгородская кафедра была древнее ростовской³⁰). И эти наблюдения дают, как нам видится, ключ к разгадке архиепископства Петра Белгородского.

²⁷ Несмотря на вводящее в заблуждение имя, речь идет об английском хронисте, работавшем в середине XIII в. в монастыре св. Альбана (Сент-Олбанс) к северо-западу от Лондона: *Matthaei Parisiensis, monachi sancti Albani, Chronica Maiora* / Ed. H. R. Luard. London, 1877. Vol. 4 (*Rerum Britannicarum medii aevi scriptores* (Rolls Series) (далее — RS). Nr. 57/4). P. 386–389; Матузова В. И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1979. (Древнейшие источники по истории народов СССР). С. 124–126, 151–153 (русский перевод).

²⁸ *Annales de Burton* (A. D. 1004–1263) / Ed. H. R. Luard. London, 1864. (RS. Nr. 36). P. 271–275; Матузова В. И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. С. 171–178 (с русским переводом).

²⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 455.

³⁰ О хронологии учреждения епископий на Руси XI–XII вв. см.: [Назаренко, 2009, с. 172–206].

В самом деле, никакой разговор о первенстве чести не мог миновать епископов белгородских по той простой причине, что в хронологической иерархии престолов Белгород искони занимал первое место. Этот факт со всей непреложностью засвидетельствован официальным списком митрополий Константинопольского патриархата, составленным в последние годы правления византийского императора Мануила I Комнина (1143–1180) и сохранившимся в единственной рукописи — *cod. Athenisensis 1371* (XII/XIII в.); для истории Русской церкви он, в отличие от других многочисленных документов этого рода, важен тем, что содержит, сверх того, перечни епископий-суффраганов каждой митрополии. Перечень епископий Русской митрополии начинается именно с Белгородской, продолжается Новгородской, Черниговской, Полоцкой и т. д. вплоть до открытой в середине XII столетия Галицкой (на 11-м месте); Ростово-Суздальская епископия значится здесь на 7-й позиции:

«[Митрополии] Великой России ³¹ [подчиняются епископии]: 1. Белгородская, 2. Новгородская, 3. Черниговская, ... 7. Суздальская ... 11. Галицкая»	«Τῆ Μεγάλῃ Ῥωσίᾳ α' ὁ Πελογράδων, β' ὁ Νευογράδων, γ' ὁ Τζερνιγόβων, ... ζ' ὁ τοῦ Σουσδάλι, ... ια' ἡ Γάλιτζα» ³² .
--	---

Исследователи уже не раз приходили к мысли, что в основе столь выделенного положения скромной и в политико-административном (княжеского стола в Белгороде никогда не было), и в территориальном отношении епископии лежали цели церковного управления. Глава кафедры, расположенной в непосредственной близости от столицы, идеально подходил на роль митрополичьего викария³³, который замещал митрополита во время его отлучек из Киева, иногда дальних, в Константинополь, а также исполнял роль первосвященника в периоды вакантности митрополичьего престола. На такую роль белгородских владык прямо указывает давно замеченное, но, кажется, не оцененное по достоинству свидетельство. В поучении некоего епископа белгородского против пьянства [Подскальски, с. 399–402] читаем: «...аще бо нѣсмь пастырь вашъ... и въ пастыря бо мѣсто оставенъ есть вамъ»³⁴. Викарная роль белгородского епископа выступает здесь со всей отчетливостью.

Кроме того, по церковным канонам при поставлении нового епископа было необходимо сослужение не менее трех архиереев; поэтому уже на самом начальном этапе становления епархиальной системы удобство замещения вакантных кафедр требовало наличия вблизи Киева по крайней мере двух епископских седилиц. Одним из них, наряду с важным центром Левобережья — Черниговом, и стал Белгород.

Все это позволяет полнее уяснить историю с архиепископством Нифонта. Усваивая новгородскому епископу невиданный доселе на Руси титул, пребывавший в Константинополе киевский митрополит патриаршего ставления — еще Михаил I или уже Константин I³⁵ — выдвигал его на первое место в киевской иерархии, перед тогдашним белгородским епископом Феодором, поддержавшим избрание митрополита Климента, и, стало быть, делая его митрополичьим викарием, создавал на Руси возглавление легитимной, с точки зрения Царьграда, части иерархии. Таким образом, архиепископ Нифонт был не просто авторитетным представителем внутрицерковной оппозиции Клименту, а номинальным главой параллельной, константинопольской, иерархии Русской церкви, реальным заместителем на Руси пребывавшего в Царьграде канонического киевского митрополита. Думаем, что именно таким положением Нифонта объясняются упомянутые выше его контакты с ростовским епископом Нестором в 1148 г.

³¹ Эпитет «великая» употреблен в данном случае в значении «вся целиком» [Назаренко, 2009, с. 246–268].

³² *Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae*. P. 367, lin. 759–770.

³³ Впервые эту мысль высказал, кажется, Е. Е. Голубинский [Голубинский, 1901, с. 668–669]. Историк считал также, что белгородский епископ с самого начала был своего рода придворным епископом (*episcopus curialis*) киевского князя; А. Поппэ, поддержав это (на наш взгляд, неосновательное) предположение [Poppe, s. 160], упустил из виду, что Е. Е. Голубинский исходил при этом из устаревшего ныне представления, будто первоначально русские митрополиты сидели не в Киеве, а в Переяславле. Я. Н. Ццапов, справедливо подчеркивая выделенное положение белгородских архиереев, вряд ли удачно пытался объяснить его тем, что они не располагали якобы собственной епархией, а были *ex officio* управляющими делами митрополичьей области, тогда как сами митрополиты и их «штат осуществляли власть над всей Русью» [Ццапов, 1989, с. 36].

³⁴ *Соболевский А. И.* Два русских поучения с именем Григория // ИОРЯС. 1907. Т. 12/1. С. 254. Об условности имени Григория в данном случае см.: [Рыков, Турилов, с. 175–176].

³⁵ Этот принципиальный момент в церковной смуте на Руси в середине XII в., как нам кажется, недопонят в историографии; митрополит Климент Смолятич святительствовал параллельно сначала, возможно, с удалившимся в Константинополь Михаилом I, а затем — с назначенным там преемником Михаила Константином I, который, как и Леонт Ростовский в 1164–1167 г., ждал только изменения политической ситуации на Руси: [Назаренко, 2009, с. 403–404; Назаренко, 2013б, с. 97–130].

(недаром только в этой связи и только в официальной надписи, повторим, фиксируется архиепископский титул новгородского владыки, в летописных материалах не возникающий).

С кончиной в 1156 г. архиепископа Нифонта, совпавшей с приездом в Киев митрополита Константина I, традиционный иерархический порядок престолов Русской митрополии восстановился. Но появление в 1165 г. новых архиепископов — ростовского и новгородского (причем личный почетный титул новгородского владыки обнаружил тенденцию к превращению в постоянный статус кафедры) — неизбежно должно было возбудить вопрос о месте белгородских архиереев. Представляется несомненным, что новгородские архиепископы в силу географической удаленности от Киева практически были совсем не приспособлены для реального исполнения роли митрополичьих викариев. Конечно, теоретически было бы вполне мыслимо, что должность викария и потенциального местоблюстителя митрополичьего престола оказалась попросту отделена от статуса *πρωτόθρονος* в Русской митрополии. Однако появление на сцене «Петра, архиепископа Белгорода» 1240-х годов позволяет думать, что такого преобразования привычной структуры все же не произошло или оно оказалось кратковременным.

Обратимся снова к перечню русских епархий в *cod. Atheniensis 1371*. Издавший его впервые Г. Гельцер датировал содержащую его *notitia 13* (по классификации Ж. Даррузеса) 70-ми годами XII в. [Gelzer, S. 585—587]. Действительно, последними в числе митрополий на 85-м и 86-м местах соответственно названы расположенные рядом, на юге Фракии, митрополии в Сили(м)врии (*Σηλυβρία*) и Апре (*Ἄπρος*)³⁶. Наиболее ранние упоминания первой относятся к 1168 и 1169 г., второй — к 1179 г.³⁷ А. Поппэ, исходя из того, что после 1165 г. Новгород должен был переместиться по старшинству среди русских епархий на первое место (чего в перечне мы не видим), передатировал всю *notitia* временем до 1165 г., но не объяснил, как согласовать с таким хронологическим приурочением наличие в списке митрополий Силиврии и Апра [Рорре, s. 158]. Ввиду этого вывод из коллизии дат должен быть совсем другим: после 1165 г., а именно в 1170-е годы (Мануил I умер в 1180 г.), в иерархии престолов Киевской митрополии ничего не переменялось, что было возможно лишь в том случае, если не только новгородский (и, добавим, ростовский), но и белгородский епископ имел достоинство архиепископа.

К этому же, как можно полагать, времени относится один небольшой древнерусский памятник литургического содержания, носящий во всех списках заголовок: «Илья архиепискупъ новгородскыи исправил съ бѣлгородскыи епискупомъ»³⁸. В самом тексте нет данных для уточнения датировки в пределах времени святительства архиепископа Илии. Но термин «исправил» вызывает в памяти сообщение краткой редакции Жития св. Илии-Иоанна, памятника достаточно древнего (не позднее середины XIV в.: [Дмитриев, с. 514]): «И на священнѣмъ соборѣ бывшу ему всея Руси, и велика и с п р а в л е н і а показавшу, и паки возвращуся в Великий Новѣградъ»³⁹. Коль скоро непосредственно далее следует пространное повествование о приходе к Новгороду суздальского войска (зимой 1169—1170 г.)⁴⁰ и чуде от иконы Знаменія Пресвятой Богоматери, то общерусский церковный собор, в котором принял участие новгородский архиепископ Илия, есть основание отнести к более раннему времени [Смирнов, с. 368—369], от 1166 до 1169 г.⁴¹

С помощью более или менее вероятных умозаключений эту широкую датировку можно попытаться уточнить. Почему «исправление», принятое собором, издано от имени новгородского и белгородского архиереев, а не от имени митрополита? Складывается впечатление, что или собор заседал в пору вакантности митрополичьего престола, или, будучи созван митрополитом, завершал свою работу уже после его кончины. В таком случае речь должна идти о 1166 г., когда скончался митрополит Иоанн IV⁴². Собор мог быть собран как по инициативе самого Иоанна, так и после его смерти — киевским князем Ростиславом Мстиславичем (1159—1167, с перерывом), который еще в 1163 г. не хотел принимать новоприбывшего Иоанна IV, желая легитимизировать изгнанника Климента Смолятича («оправити Клима»)⁴³. Допускаем также, что инициатором созыва собора стал владими́ро-суздальский князь

³⁶ Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae. P. 369.

³⁷ Les registes des actes du Patriarcat du Constantinople. Paris, 1989. Vol. 1. Fasc. 2—3: Les registes de 715 a 1206 / Ed. V. Grumel, 2e éd. par J. Darrouzès. Nr. 1077, 1086, 1152.

³⁸ РИБ. СПб., 1908. Т. 6. Стб. 75—76 (№ 4); [Смирнов, с. 107—108 (№ XVI*)]; Бенешевич В. Н. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. София, 1987. Т. 2 / Подгот. к изд. и снабжен доп. Ю. К. Бегуновым, И. С. Чичуровым и Я. Н. Цшаповым; Под общ. руков. Я. Н. Цшапова. С. 75 (№ VIII).

³⁹ Великие Четии минеи. СПб., 1868. Сентябрь. Дни 1—13. (Памятники славяно-русской письменности, изданные Археографическою комиссиею, I). С. 329.

⁴⁰ НПЛ. С. 33, 221.

⁴¹ Почему А. С. Павлов в своем издании (см. примеч. 38) отнес текст именно к 1164—1168 гг., непонятно; в 1164 г. Илия еще не был епископом, а летом 1169 г. вполне мог побывать в Киеве. Несколько сужена должна быть датировка И. С. Смирнова 1165—1169 гг. [Смирнов, с. 368]; описание событий 1165 г. в Новгородской первой летописи не допускает предположения о повторном визите Илии в Киев после возвращения его оттуда в мае (НПЛ. С. 31—32, 219). Я. Н. Цшапов, ссылаясь на И. С. Смирнова, пишет о 1165—1168 гг. [Цшапов, 1978, с. 190], но это ошибка.

⁴² НПЛ. С. 32, 219.

⁴³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 522 (статья 6672 г. в Ипатьевской летописи — ультрамартовская: [Бережков, с. 176]).

Андрей Юрьевич Боголюбский, овладевший столицей Руси в начале 1169 г. и стремившийся добиться своего в затянувшемся споре о постах по великим праздникам. В итоге он этого и добился, так как активно поддерживавший «леонтианскую ересь» митрополит Константин II был в 1169/1170 г. смещен патриархом; но еще раньше, и именно в 1169 г., под давлением Андрея сам Константин свел с епископии Леонта Ростовского, вернув в Ростов Нестора [Назаренко, 2013а, с. 32–35]. Если собор занял анти-«леонтианскую» и проандреевскую позицию, а митрополит и его сторонники (вроде черниговского епископа Антония) оказались в меньшинстве, то авторство Илии Новгородского и анонимного белгородского архиерея в отношении одного из решений собора или даже всех его постановлений стало бы понятным. В таком случае собор следовало бы датировать летом 1169 г.

Почему новгородскому архиепископу для формулировки соборного приговора потребовался соавтор, и не какой-либо, а именно белгородский архиерей? Значит, викарный статус белгородских епископов во второй половине 1160-х годов сохранился, а стало быть, скорее всего сохранилось и первенство чести, что снова влечет за собой вывод об архиепископстве белгородского коллеги Илии Новгородского.

В свете такого заключения совсем по-новому выглядит гипотеза С. И. Смирнова, что присоединение в Кормчей к «исправлению» еще и некоторой заповеди епископам о хранении церковных правил не вторично (как считал, например, А. С. Павлов, отделяя в своем издании «исправление» и заповедь), а отражает (хотя и фрагментарно) первоначальный состав соборных постановлений [Смирнов, с. 361–367]. Дело в том, что заповедь открывается призывом: «Всею силою и всею мощью должны суть архиепископи и епископи имѣти стражбу о священнѣхъ правилѣхъ»⁴⁴. Подчеркивание роли архиепископов в постановлении общего порядка должно было отражать какую-то специфическую ситуацию и могло бы служить прямой иллюстрацией к парному авторству «исправления» — особенно если датировать собор не 1166, а 1169 г., когда, в результате решения того же собора, Леонта Ростовского на престоле уже не было.

Тем, что в дошедших до нас списках «исправления» Илья назван архиепископом, а не известный по имени белгородский владыка — епископом, смущаться не следует. Ведь рукописная традиция памятника — северная, новгородская [Смирнов, с. 364⁴⁵; Цшапов, 1978, с. 190–191]. Достоинно внимания, что в текстах неновгородского происхождения и новгородские архиепископы нередко титулуются просто епископами. Так в Ипатьевской летописи титулован Илья — не только в сообщении о его избрании на кафедру под 1165 г. (что было бы понятно), но и в рассказе о погребении новгородского князя Мстислава Ростиславича в 1180 г.⁴⁶ Так титулован в Лаврентьевской летописи Митрофан⁴⁷, который в Московской Академической летописи стабильно именуется архиепископом, как и его преемник и конкурент Антоний, и сменивший последнего Спиридон⁴⁸.

Ввиду такой непоследовательности летописной терминологии нельзя придавать решающего значения тому факту, что в единичных упоминаниях о белгородских архиереях второй половины XII в. в киевском летописании они рутинно именуются епископами. Таковы сообщения о венчании Ростислава Рюриковича с Евфросинией, дочерью Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, в Белгороде «бл(а)ж(е)нымъ еп(и)с(ко)помъ Максимомъ» в 1188 г.⁴⁹; о кончине Максима и поставлении его преемника Адриана, видимо, в 1189 г. [Бережков, с. 205]: «преставися еп(и)с(ко)пъ Бѣлогородьскій Максимъ. Рюрикъ же в него мѣсто постави еп(и)с(ко)помъ о(т)ца своего д(у)х(о)внаго игумена с(вя)т(а)го Михаила Андрѣяна Выдобычскаго»⁵⁰; об освящении каменного собора в Белгороде в 1197 г.

Накануне восшествия на киевский стол Ростислав ни в коем случае не хотел видеть на митрополии Климента, которого навязывал Мстислав Изяславич, старший племянник Ростислава (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 503). Но с годами позиция изменилась: задумываясь о столонаследии в Киеве и желая оставить столицу Руси Мстиславу, Ростислав, похоже, вынужден был пойти навстречу стойкому покровителю Климента Смоленячича.

⁴⁴ РИБ. Т. 6. Стб. 127–128 (№ 11); *Бенешевич В. Н.* Древнеславянская кормчая XIV титулов. Т. 2. С. 75–76 (№ VIII). Заметим, что слова «и епископи» есть не во всех рукописях; они отсутствуют, например, в Соловецком списке конца XV в. (РНБ. Солов. 1156) — единственном списке древнеславянской Кормчей, который содержит «исправление».

⁴⁵ Надписание — «ссылка составителя Кормчей, новгородца, который, имея перед глазами список Правила с именами обоих святителей, захотел удержать имя лишь своего, известного в Новгороде и почитаемого владыки, и опустил чужое имя».

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 525, 609.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 423.

⁴⁸ Там же. Стб. 491, 502–503, 512. Такая аккуратность принимает иногда гиперкорректные формы; о переводе Антония в Перемышль в связи с возвращением в Новгород Митрофана говорится так: «а другому архиеп(и)с(ко)пу Антонию вда митрополить архиеп(и)с(ко)пью (выделено нами. — А. Н.) в Перемышль» (Там же. Стб. 502).

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 658; о дате: [Бережков, с. 203]. Киевом управлял Святослав Всеволодович, а на подвластной Рюрику Ростиславичу остальной территории Киевской земли имелось две епископии — в Белгороде и Юрьеве; как видим, более почетным престолом (и это не неожиданно), лучше всего подходящим для торжественного бракосочетания, имевшего важное политическое значение, оказывается белгородский.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 666.

«бл(а)ж(е)нымъ митрополитомъ Никифоромъ, еп(и)с(ко)помъ Андрѣяномъ тоя ц(е)ркви столь добръ правяща, еп(и)с(ко)помъ Юрьевскимъ», и пире по этому случаю, на который князь Рюрик Ростиславич, ктитор собора, позвал «еп(и)с(ко)па Андрѣяна, Юрьевского еп(и)с(ко)па» и других духовных лиц⁵¹.

Как бы то ни было, по своей доказательной силе эти данные не могут соперничать с показаниями официальных документальных источников — константинопольским списком епархий Киевской митрополии 1170-х годов и выдержками из протоколов Лионского собора 1245 г. Названные даты и ограничивают собой период существования архиепископии в Белгороде. Нет никаких оснований думать, что в промежутке между ними архиепископия здесь могла то учреждаться, то отменяться, то снова восстанавливаться.

Итак, архиепископское звание появилось на Руси как даруемое митрополитом личное отличие — поначалу новгородского епископа Нифонта в 1147/1148 г., а затем — ростовского епископа Леонта в 1164/1165 г. Оба эти случая имели сходную церковно-политическую подоплеку, объясняясь желанием священноначалия морально и административно поддержать архиерея, который оказался в конфликте с государственной властью, защищая канонический строй церковной жизни.

В обоих случаях титулярное повышение вывело отличаемого на первое после митрополита место в иерархии русских епископов. Нифонт Новгородский становился официальным главой верной Константинополю (а значит, единственно легитимной, с точки зрения последнего) части епископата, тем самым обеспечивая пребывавшему в Царьграде митрополиту, антагонисту Климента Смолятича, заочное участие в управлении митрополий. Леонт Ростовский, делаясь своего рода вице-митрополитом, должен был своим новым статусом компенсировать Андрею Боголюбскому отказ патриархии учредить во Владимире титулярную митрополию. Этот маневр патриарха и киевского митрополита имел, однако, совсем иные последствия. Андрей Юрьевич принять Леонта отказался и выдвинул на управление несостоявшейся Владимирской митрополией собственного ставленника, некоего Феодорца. Между тем Новгород, уже имевший совсем недавно владыку-архиепископа, вдохновленный и раздраженный возвышением Леонта, сумел добиться от митрополита возобновления этого титула применительно к своему епископу Илию, который был рукоположен, по стечению обстоятельств, в том же 1165 г.

Выделенное положение новгородских епископов вполне соответствовало крепшей государственной самостоятельности Новгорода; очевидно, именно по этой причине новгородские власти — и, прежде всего, сам архиепископ Илия — приложили все усилия для того, чтобы сделать архиепископство постоянным отличием новгородской кафедры. Почему митрополия пошла на это, остается только гадать. Такая перестройка иерархической структуры Киевской митрополии должна была повлечь за собой потерю статуса митрополичьих викариев, который до той поры отличал предстоятелей Белгородской епископии. Чтобы избежать такого неудобства (ибо новгородские архиепископы не подходили на роль киевских викариев по своей удаленности от столицы Руси), пришлось в том же 1165 г. или вскоре после этой даты усвоить титул архиепископов также и епископам белгородским.

Таким образом, архиепископства на Руси домонгольской поры были оригинальным русским учреждением, которое постепенно развилось в середине — третьей четверти XII столетия и мало чем напоминало институт архиепископов в остальной Константинопольской церкви.

Литература

- Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963.
Голубинский Е. Е. Краткий очерк истории православных церквей Болгарской, Сербской и Румынской, или Молдо-Валашской. М., 1871.
Голубинский Е. Е. История Русской церкви. М., 1901. Т. 1, первая половина тома.
Дмитриев Л. А. Житие Иоанна Новгородского // СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 514–517.
Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988 (фототипическое воспроизведение с некоторыми добавлениями издания 1871 г.).
Макарий, митр. Московский и Коломенский. История Русской церкви. М., 1995. Кн. 2 (комментированное переиздание 2-го издания томов 1–3).
Милютенко Н. И. Святые князья-мученики Борис и Глеб. СПб., 2006.
Назаренко А. В. Киевский митрополит Иоанн I // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 3 (29). С. 76–77.

⁵¹ Там же. Стб. 706–707. Эти сообщения (если не считать, что в обоих случаях имя юрьевского епископа просто пропущено) приходится понимать в том смысле, что с конца XII в. Белгородская и Юрьевская епископии оказались под управлением одного архиерея, хотя и временно: в 1231 г. кафедры уже имели раздельное возглавление (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 456). В таком случае совсем не исключаем того, что расширение диоцеза белгородских владык за счет соседней епархии стало следствием их нового, архиепископского, статуса; в этом позволительно было бы усмотреть инициативу князя Рюрика Ростиславича, явно покровительствовавшего белгородской кафедре (ср. примеч. 49). Можно догадываться и о политической ситуации, которая способна была вызвать отмену этой новизны к рубежу 20–30-х годов XIII в. Ушедший из Галича в 1227 г. Мстислав Мстиславич умер через год, кажется, на столе в Торческе (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 750; СПб., 1856. Т. 7. С. 134) (позднее Даниил Романович давал Торческ «дѣтемъ Мьстиславимъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 766)); желание властного князя иметь у себя в Поросье «собственного» епископа было бы естественно.

- Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009 (Древнейшие государства Восточной Европы, 2007 год).
- Назаренко А. В. Иоанн I, митрополит киевский // ПЭ. М., 2010. Т. 23. С. 469–471.
- Назаренко А. В. Несостоявшаяся митрополия (об одном из церковно-политических проектов Андрея Боголюбского) // «Хвалам достойный...»: Андрей Боголюбский в русской истории и культуре. Владимир, 2013. С. 12–35. (Назаренко, 2013а)
- Назаренко А. В. «Слово на обновление Десятинной церкви», или К истории почитания святителя Климента Римского на Руси. М.; Брюссель, 2013. (Patrologia Slavica. Вып. 2) (Назаренко, 2013б)
- Печников М. В. Нифонт // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М., 2014. С. 542–543.
- Подскальский Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). Изд. 2-е, исправл. и дополн. для русского перевода / Перев. А. В. Назаренко под ред. К. К. Аментьева. СПб., 1996.
- Поппэ А. О зарождении культа свв. Бориса и Глеба и о посвященных им произведениях // *Russia Mediaevalis*. München, 1995. Т. VIII, 1. С. 21–68.
- Поппэ А. Митрополиты и князья Киевской Руси // Подскальский Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). Изд. 2-е, исправл. и дополн. для русского перевода / Перев. А. В. Назаренко под ред. К. К. Аментьева. СПб., 1996. С. 446–499.
- Присёлков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 2003 (первое изд. книги вышло в 1913 г.).
- Рыков Ю. Д., Турилов А. А. Неизвестный эпизод болгаро-византийско-русских связей XI в. (Киевский писатель Григорий Философ) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1982 год. М., 1984. С. 170–176.
- Селарт А. Архиепископ Петр и Лионский собор 1245 года // *Rossica antiqua*. СПб., 2011. № 1. С. 100–113.
- Смирнов С. И. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М., 1912.
- Толочко О. П. Петро Акерович, гаданий митрополит всея Руси // *Український історичний журнал*. Київ, 1990. № 6. С. 45–54.
- Томашівський С. Предтеча Исидора Петро Акерович, незнаний митрополит руський (1241–1245) // *Зап. Чина св. Василя Великого – Analecta ordinis s. Basilii Magni*. Жовква, 1927. Т. 2/3–4. С. 221–313.
- Цыпин Владислав, прот. Архиепископ // ПЭ. М., 2001. Т. 3. С. 530–531.
- Цапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978.
- Цапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989.
- Янин В. Л. Печать новгородского епископа Ивана Попьяна (1110–1130 гг.) // ВИД. 1978. Т. 9. С. 47–56.
- Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. 2. Aufl. München, 1977. (Byzantinisches Handbuch im Rahmen des Handbuchs der Altertumswissenschaft. Bd. 2/1)
- Gelzer H. Ungedruckte und ungenügend veröffentlichte Texte der Notitiae episcopatum: Ein Beitrag zur byzantinischen Kirchen- und Verwaltungsgeschichte // *Abhandlungen der königlichen Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-philologische Classe*. München, 1901. Bd. 21 (1900). S. 529–641.
- Müller L. Zum Problem des hierarchischen Status und der jurisdiktionellen Abhängigkeit der russischen Kirche vor 1039. Köln-Braunsfeld, 1959. (Osteuropa und der deutsche Osten: Beiträge aus Forschungsarbeiten und Vorträgen der Hochschulen des Landes Nordrhein-Westfalen. Reihe 3; Westfälische Wilhelms-Universität zu Münster. Buch 6)
- Poljakov F. Zur Authentizität des Briefes vom Patriarchen Nikolaos IV. Muzalon an den Novgoroder Erzbischof Nifont // *Die Welt der Slaven*. 1988. Jg. 33. S. 283–302.
- Poppe A. Państwo i kościół na Rusi w XI wieku. Warszawa, 1968. (Rozprawy Uniwersytetu Warszawskiego – Dissertationes Universitatis Varsoviensis. T. 26)
- Ruotsala A. Europeans and Mongols in the Middle of the Thirteenth Century. Encountering the Other. Helsinki, 2001. (Suomalaisen Tiedeakatemia Toimituksia, nida 314)